

ВОЙЛОК В МУЗЕЯХ РОССИИ КАК ИСТОЧНИК В СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НОМАДОВ*

Батырева Светлана Гарриевна¹

¹ доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого научного центра РАН (г. Элиста).

E-mail: sargerel@mail.ru

Аннотация. Наследием культуры номадов являются традиционные ремесла, в том числе войлоковаление. Скотоводческое хозяйство, имея натуральный характер, обеспечивало повседневные потребности в пище, материалах для постройки жилища, пошива одежды и обуви, в транспорте и прочих жизненных нуждах калмыков. Исследование материального наследия включает системное описание и атрибуцию памятников прикладного творчества ойратов и калмыков из собраний Музея традиционной культуры им. Зая-пандиты КалмНЦ РАН, Национального Музея РК им. Н.Н. Пальмова, Российского этнографического музея. Коллекции музеев других регионов привлекались в качестве сравнительного материала, дополняющего источниковую базу исследования. Помимо памятников художественной культуры из музейных собраний России использовались архивные и полевые материалы автора, собранные за период с конца XX по начало XXI вв.

Ключевые слова: наследие, художественное ремесло, войлоковаление, музей, коллекция, традиция, орнамент.

В исследовании узорного войлока, представленного в российских музеях, важно обозначить место и роль войлоковаления в культуре монголоязычных номадов. Ремесло ойратов Западной Монголии и калмыков России имеет общие истоки художественных традиций валяния шерсти. Вместе с тем оно обусловлено историей народов, особенностями локального развития культуры, Историческая ретроспекция истоков традиций предполагает обращение к концептам «одно и многое», «универсальное и локальное», «общее и особенное» [Купцова 2009: 14].

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (№ госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Рассмотрение декоративно-прикладного искусства монголоязычных народов предполагает обращение к художественным традициям, в том числе обработки шерсти — древнейшего материала животноводческого хозяйства номадов. Это дает возможность проследить историческое бытие ремесла. Декор войлока обусловлен особенностями материала и техники его обработки [Максяшин 2009: 60–62].

Состояние научной разработанности темы свидетельствует об отсутствии специальных обобщающих трудов о традиционных ремеслах монголоязычных номадов. Вместе с тем отдельные аспекты этнической культуры калмыков и ойратов в той или иной степени рассматривались в дореволюционный и советский периоды развития отечественного востоковедения. В настоящее время актуально теоретическое обобщение российских и зарубежных исследований традиционного наследия номадов.

Проблемы изучения прикладного творчества монгольских народов решаются в сфере музееведения. В процессе анализа экспонатов — памятников материальной культуры и художественных ремесел удалось выявить общие и локальные особенности материального историко-культурного наследия номадов России и Центральной Азии. Эстетическое начало народного творчества во многом сконцентрировано в орнаментальном декоре войлока, отражающего архетипы мышления номадов. Привлечение экспонатов узорного войлока, не бывших до этого предметом исследования, позволяет значительно расширить поле изучения материального наследия.

Войлочные коллекции в музеях России рассматриваются в качестве источника сравнительно-сопоставительного изучения орнаментального наследия монголоязычных номадов.

Древнее искусство кочевников, сохранившееся в памятниках палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории бывшего Советского Союза, представлено в собрании Государственного Эрмитажа. Предметы быта древних номадов, представленные в этой экспозиции, имеют большую культурную ценность. Обращение к ценнейшим экспонатам нетканной эпохи дает возможность соотнести традиции художественной обработки шерсти монгольских кочевников с их архаическими истоками [Жуковская 1988: 25; Тишков 2003: 14–31; Пространство 2008].

Войлочные ковры отличает «звериный» стиль, при этом изображение борьбы животных осуществлено с применением техники аппликации и простегивания [Новгородова 1989: 28–34, 38–39]. Произведения прикладного искусства, несущие в художественном своеобразии мировидение насельников Центральной Азии VII в., поражают техникой изготовления и украшения изделий, требующих знания свойств материала и способов декоративной обработки валяной шерсти [Древнее искусство 1974: 169–171; Древняя Сибирь 1976].

Не меньший интерес представляют войлочные ковры из раскопок Ноин-Улы (Монголия), найденные в захоронении гуннского периода в долине р. Орхон в 60-е годы XX в. Изделие, украшенное орнаментальной композицией, выполнено в технике лицевого шитья и аппликации (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.). Образец древнего искусства Центральной Азии воспроизводит в композиции многообразную картину мира [Батырева 2018]. Ю.И. Елихина, проанализировав материалы из раскопок Ноин-Улы, произведенных П.К. Козловым в 1923–1926 гг., дифференцирует их на следующие подгруппы функциональной значимости: детали войлочного покрытия и интерьера жилища, предметы одежды, конское снаряжение [Елихина 2018: 129–133].

Рассматривая войлочные композиции номадов Ноин-Улы, исследователь Д. Гантулга дает глубокое прочтение орнаментального декора в призме традиционного учения монголов «арга билиг». Исходная в миропонимании древних ось мирового древа, означающая начало, мифопоэтически сопрягаема с центром мироздания, что находит развитие в спиральной композиции орнамента, «вращающегося» по ходу солнца и против солнца. Единство природных стихий отображено в полюсах мироздания, во взаимодействии которых образуется «начало начал» вселенского бытия. В узорных войлоках сохраняется мифопоэтическая суть искусства, чья цветовая, числовая и образная символика восходит к древней основе философии номадов [Гантулга 2011: 375–376].

Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге (далее — РЭМ) обладает богатейшими коллекциями изделий ремесленного производства народов России, в том числе и калмыков XIX — нач. XX вв. Музейный фонд был сформирован на протяжении десятилетий собирательскими усилиями многих исследователей. Особый интерес представляет специализированный фонд Войлочной кладовой и Мягкий фонд Отдела народов Сибири РЭМ, где хранится войлочное наследие кочевых народов.

Коллекция калмыцкого войлока в собрании РЭМ представлена кибиточным комплексом и циновками из Войлочной кладовой. Мягкий фонд составляют следующие изделия: попона и недоуздок на верблюда, циновки, круглые подушки-валики, ухватки для котла и прочее. Войлочные изделия калмыков содержатся в ряде коллекций. Например, в коллекции № 189, поступившей от П.Г. Щербова через Императорское Русское Географическое Общество и состоящей из экспонатов Всероссийской Нижегородской выставки 1896 г., переданных в качестве дара. Коллекция № 369 включает предметы одежды и быта калмыков Астраханской и Ставропольской губерний, изготовленные из разных материалов, более обширна в предметном составе, зримо представляя традиционный быт народа. Коллекция № 1080, приобретенная на средства Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III,

была собрана А. Миллером в Сальском округе Области Войска Донского в июле 1906 г. [СР РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 403. Л. 6об., 12, 13, 15].

Интересен также фондовый материал Музея этнологии и антропологии имени Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург), хранящий предметы быта и комплекс деталей войлочного покрытия жилища западных монголов. Оно традиционно и характерно для бытия калмыков и ойратов, номадов.

Общеизвестно, войлок из-за трудностей хранения представляет собой достаточно редкий материал в музеях, отечественных и зарубежных. В силу исторических обстоятельств немногочисленны фонды Национального музея Республики Калмыкии имени Н.Н. Пальмова, Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого научного центра РАН, Музея джангарчи Ээлян Овлы (пос. Ики-Бухус Малодербетовского района), Музея Центра развития калмыцкой культуры «Булг» (п. Цаган-Аман Юстинского района). Экспонаты датируются большей частью периодом конца XIX — 1-й пол. XX вв. и являются важным материальным источником в научной базе исследования, основанного на систематизированном учете и описании культурного наследия, собираемого в процессе комплектования музеев [Батырева 2018б: 143–151].

В этих музейных фондах представлены следующие виды экспонатов: настенные и напольные войлочные изделия ширдг, верхняя одежда для холодного времени года, постельные принадлежности и предметы, используемые в хозяйстве (потники и попоны для лошадей и верблюдов), хозяйственные сумы, чехлы для хранения вещей, веревки и арканы, плетеные из шерсти и конского волоса, обувь.

Астраханский музей-заповедник обладает немногочисленной калмыцкой коллекцией предметов одежды и кочевого уклада. Среди экспонатов из войлока есть конская попона, большой войлок сакрального назначения *тэглин ширэ*, а также хорошо сохранившийся экспонат с характерным геометрическим декором — циновка *ширдг* удлиненной формы. Она несет композицию из строчевых фрагментов, расположенных по горизонтали изделия. В декоративном оформлении это прямоугольники, стеганные параллельной строчкой белой, серой и светло-коричневой шерстяной нитью, и слагаемые сходящимися к центру треугольниками. Нашитом дублетном слое коричневой шерсти (овечьей вперемежку с верблюжьей) в светлом обрамлении войлочной основы выделен круг, стеганный десятью радиальными рядами строчки. В декоре применяется полукружная кайма «зег», прихваченная изнутри мелкими стежками. Изделие начала XIX–XX вв. традиционно в приемах исполнения калмыцкого войлока. Типичен декор в трансляции образной символики круга, квадрата и треугольника — геометрических фигур, взаимообусловленных в цвете и числе элементов декора циновки *шикэ ширдг*. Стеганный код узорной стежки проецирует традиционное мировидение кочевников [Батырева 2006: 85–106].

В ходе исследования войлока калмыков и ойратов для сопоставления был привлечен войлочный материал из коллекции Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. В изучении экспонатов войлокования nomadов важно выявить генетические связи калмыцкого ремесла с культурой кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии, имеющих много общего. Например, в материальное наследие тюрков-тувинцев помимо прочего входит жилище с войлочным покрытием (калм. *өрк, тув. ореге*), обшитым по краям тканью, с веревками, плетеными из шерсти или конского волоса. Верх жилища покрывает войлок трапецевидной формы (калм. *деевр*, тув. *дээвиир*). Прямоугольной формы войлочная полость (калм. *үдна ишкэ*, тув. *кидис эжик*) опускается на деревянную дверь. Идентичны в изготовлении войлочные циновки (калм. *ширдг*, тув. *ширтек*), простеганные геометрическим узором. Тувинский войлок поделен мелкой стежкой на квадраты в параллельном линейном рисунке «под углом». Декор калмыцких ширдыков также состоит из квадратов или ромбов, слагаемых в композиции из малых треугольных форм. Вариации единой геометрической темы создавались мастерицами, реализующими в художественной стежке пространственное мышление предков. Архаичный слой культурного наследия nomadов Центральной Азии сохранился у калмыков в консервации войлочной традиции, в то время как у тувинцев он нашел продолжение в развитии геометрического рисунка, дополняемого растительным или зооморфным узором войлочных циновок *ширтек*. Параллелью можно рассматривать подобный стеганый декор изделий рубежа XX–XXI вв. у ойратов Западной Монголии, создаваемый цветными шерстяными нитями.

Сравнение с тувинским музейным материалом дало возможность выявить малоизученные общие закономерности формирования народного искусства монголов и тюрков. Общее и особенное в технике и художественных приемах обработки валяной шерсти в культуре монголов и тюрков наглядно свидетельствует об исторических взаимосвязях художественного творчества народов Евразии. Культурное взаимодействие происходило «в эпоху ранних кочевников, когда у скотоводческих племен, живших на обширных просторах евразийских степей от Восточной Европы до Центральной Азии, сложились сходные формы хозяйственного быта», способствовавшие распространению многих достижений, в том числе в искусстве, и в частности, в орнаментации мягких материалов (кожа, войлок, ткань) [Вайнштейн 1974: 5–7, 127–144].

Интересный в этом отношении материал представляет бурятский войлок из фондов Национального музея Республики Бурятия и Этнографического музея народов Забайкалья [Сампилов 1995]. Работа в фондах музеев позволила выявить 15 войлочных изделий, среди которых встречаются циновки, изготовленные из валяной шерсти овец, как правило, двухслойные и традиционной прямоугольной формы. Эти изделия, да-

тируемые 30–70-ми гг. XX в., прошиты сухожилиями, обрамлены витым шерстяным шнуром. Края оформлены плотной тканью. Стежка шерстяной нитью воспроизводит геометрический рисунок квадратов (ромбов), распадающихся на треугольные формы. Мотивы декора, свойственные калмыцкому и встречаемые в тувинском войлоке и бурятских изделиях, дополнены Т-образным или более сложной формы меандром, стеганым по краю, одетому тканью. Циновки, тонированные уникальным способом задымления, в большинстве случаев обрамляют параллельными линиями. Подобным образом могут быть орнаментированы и подушки с квадратным торцом, украшенным металлическими накладками и кораллом. Изделия сшиты из войлока, дублированного плотной хлопчатобумажной тканью. Особенность орнаментального декора бурятов представляют спиралеобразные формы с четырьмя ответвлениями, стеганные на войлоке натурального серого цвета. В центре спирали может быть помещен крест *хас*, а круглая форма трансформирована в квадрат, выстроченный шерстяной нитью того же цвета, что и основа войлока. Идея взаимообусловленности форм, четко просматриваемая в калмыцком войлоке, у бурят может выражаться «пазловым» размещением узора.

Выявленный материал в музеях Бурятии и Тувы позволяет проследить общие истоки этногенеза и культуры тюрко-монгольских nomadов. Народное художественное творчество ориентировано на родовой опыт (связь с природным, национальным и коллективным началом), что отражено в технике и орнаментике использованного материала.

Таким образом, узорный войлок музейных коллекций России является значимым историко-культурным источником в сравнительно-сопоставительном изучении материального наследия монголоязычных nomadов.

Источники

Собрание рукописей Российского этнографического музея (СР РЭМ).

Литература

Батырева С.Г. Народное декоративно-прикладное искусство калмыков XIX — начала XX вв. Элиста: АОр «НПП «Джангар». 2006. 160 с.

Батырева 2018а — *Батырева С.Г.* Войлок в музейном собрании Государственного Эрмитажа: к вопросу образного мышления nomadов Центральной Азии // Вестник Калмыцкого госуниверситета. 2018. № 3. С. 6–13.

Батырева 2018б — *Батырева С.Г.* Узорный войлок калмыков по материалам музейных коллекций Калмыкии // Бюллетень КалмНЦ РАН. История. 2018. № 1. С. 143–151.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М.: Наука, 1974. 224 с.

Гантулга Д. Цветовая, числовая и образная символика монголов в контексте учения арга билиг // Мир науки, культуры и образования. 2011. № 4 (29). С. 375–376.

Батырева С.Г. Войлок в музеях России как источник в сравнительно-сопоставительном изучении материального наследия монголоязычных народов

Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории Советского Союза. Собрание Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора. 1974. 194 с.

Древняя Сибирь. Путеводитель по выставке «Культура и искусство древнего населения Сибири. VII в. до н. э. — XIII в. н. э.». Л.: Аврора, 1976. 131 с.

Елихина Ю.И. Сокровища курганов Ноин-Улы (Северная Монголия). Находки экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг., хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Саарбрюккен: Lap Lambert Academic Publishing, 2018. 317 с.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука; Гл. ред. восточной литературы, 1988. 196 с.

Купцова И.А. Методологические основания сравнительного анализа культуры // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 13–17.

Максяшин А.И. Декоративно-прикладное искусство и народное художественное творчество: правильно ли мы их понимаем? // Вопросы культурологии. 2009. № 8. С. 60–62.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1989. 383 с.

Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Б.З. Нанзатов, Д.А. Николаева, М.М. Содномпилова, О.А. Шагланова. М.: Восточная литература, 2008. 341 с.

Сампилов Ц. Этнографические зарисовки. Новосибирск: Наука. 1995. 18 с.

Тишков В.А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М.: ИЭА РАН, 2003. С. 14–31.